

ЕЛЕНА БЕРДНИКОВА

ОГОНЬ

Елена Геннадьевна Бердникова

Огонь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30798654

ISBN 9785449057884

Аннотация

«Огонь» – вольное размышление о русском, о своей национальной идентичности в эпоху упадка этноса. Высокая точка кризиса – возможность рассмотреть свое детство, любимое и проклятое прошлое, всю панораму пульсара. Русское – горячая стихия. В книгу вошли циклы «Первое июня» и «Русские мальчики», поэма «Русская азбука для больших и взрослых», отдельные стихи. Елена Бердникова – репортер «Новой газеты». В оформлении обложки использована акварель Геннадия Бердникова «Пульсар».

Содержание

РОДНАЯ РЕЧЬ	5
ПЕРВОЕ ИЮНЯ	7
I. 1997	7
II. ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ	9
III. 1993	11
IV. 1995	13
V. ПЛЮЩИХА	16
VI. ЗЕНИТ	18
VII. 1998	20
VIII. В ЭТОМ СВЕТЕ	22
IX. ЧУВСТВО БОГА	24
РУССКАЯ АЗБУКА	26
ПОСВЯЩЕНИЕ	26
А – АННА	28
Б – БРАТЬЯ	29
В – ВДОХНОВЕНИЕ	30
Г— ГИМН	31
Д – ДВОЕ	32
Е – ЕСТЬ	33
Ё – ЕЁ	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Огонь

Елена Геннадьевна Бердникова

Иллюстратор Геннадий Иванович Бердников

© Елена Геннадьевна Бердникова, 2018

© Геннадий Иванович Бердников, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-5788-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РОДНАЯ РЕЧЬ

Тысячи лет прозвенеть, и однажды,
Как колокольчики кто подвязал,
Стихнуть. И в звука внимательной жажде
Ждать, чтобы кто-нибудь что-то сказал.

Даже не слово. Достаточно Слова.
Слоги ли главное для языка?
Просто услышать дрожанье немого:
Томное «О» и пространное «А»,

Будящий «У» и запнутые йотой,
Детские «И», «Е», «Ё», «Ю» и еще
Отзвук, вакхически-русскую ноту:
«Я» от «Иа, Дионис, ты пришел».

Крика трагедии, пеня козлиного,
Замкнутоухие, ждете ли вновь?
Кто выдувает вокальную линию,
Правит пастушеских плеч постанов?

Вакх возвратился из долгого плена,
Музыка-кукла, бог-мальчик, ты – чей?
Полны пещеры. Оставлена сцена.
Все для мистерии новой твоей.

Что-то случится, чего мы не знаем.
Стихли вакханки, и мистики ждут.
Сверх ожидания мы вдруг совпадаем
С тем, что бывает, случается тут.

24 сентября 2010

ПЕРВОЕ ИЮНЯ

I. 1997

Когда вдруг рухнула советская стена,
Настала чередa лет зноя и свободы.
Москва крошилась, плавилась, но нас
Касались сквозняки, нам белые биллборды

«Прорвемся» – сообщали нашу власть
Смеяться в зеркалах и звать благополучье:
Москва, в лесах строительных пылясь,
Чадила шашлыком на развороты «Птюча».

Несчастье ждало нас на всех углах,
Но нас встречало, спотыкаясь, счастье.
Форели жарились на уличных углях,
И брызгался лимон – кислотный свежий саспенс.

В духах арбузных, в джазовом чаду,
В вечернем, неуместном в полдень гриме,
Буддийской столицей Катманду
Мы были, угасая в Третьем Риме.

Но это наш был солнечный зенит:

Шальные просверки, озон большой свободы.
Из детства старого мы вырвались, юны, —
Разрыв сплошной истории абортюв.

Как молод был наш мир – и как жесток,
Как золотом усыпан самоварным.
Трещали стены, и носился сор,
И падал на репринт, почти слепой: «Новалис».

За летом – лето, за жарою – зной,
Все раскаляясь: холода свободы,
Как Колыма, стояли за спиной,
Листали книги на развалах, борзю

В проулках чрева гибнущей Москвы...
На всех был пот и холодок рожденья.
Дома затянуты зеленою сетью – вниз
Там оседала пыль: пол, потолки и стены.

Но рос, светлея, пестрый хаос крыш,
И в сером мареве, как мачты, плыли шпили.
Жаль, моря нет в Москве, но было – и враздрызг
Соленой пеной нас – свободой – жгло и мыло.

II. ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ

Зажги и выдохни,
Потом опять зажди:
Лови, лови при движущемся свете
И в темноте свою скупую жизнь —
Ты, искра, поднимаемая ветром.
Старинно, страшно ремесло твое:
Ночь вокруг тебя, и сам ты – ночь глухая;
Лови, лови и слушай бытие,
На бедность рифм не слишком налегая.
Они – игрушка. Не игрушка – жизнь
И вызов хаоса, полуосенней стужи.
Но пусть тебя берет мороз в тиски, зажим,
Тем ярче ты горишь, преодолая ужас.
Интимность космоса – ее вполне постиг
Ты, ведая в ночи
Костром, копною, полем,
И разрастаются не чувств твоих пути,
А веденье твое: мир мал,
Ушкоуголен.
И веткою березовую ввысь
Бросаешься – измерить расстоянье
Галактики. Системы разошлись,
Но, удаляясь, шлют – отчет тебе – сиянье.
И ты, заночевавший на пути,
Угревшийся в скирде лесной охотник, —

Тебе Вселенная горит-благовестит,
И лестницы стоят, и чёрен камень,
Столп твой.

Ты в дальнем космосе искришься и гостишь,
Зажги и выдохни,
Еще зажги – свободней,
Дыши во мрак, в трепещущую стынь.
Звезде-душе полезен – искре – холод.

III. 1993

К тебе приехали родители
Взглянуть на новое жильё.
Они давно Москвы не видели,
Где рыба с головы гниет.

Полуслепая полу-карлица —
Она, а он – глухой лентяй.
В жару к Арбату томно тянутся,
Туда, где ордена блестят.

Громада МИДа, средостение
Страны, гранитный улей пуст:
Холодной накрывает тенью их,
Так и не влившихся в толпу.

Они так медленно, и под руку
Держась, идут – шажки, шажки, —
Как бы по льду, где всюду – проруби,
И матерятся рыбаки.

Зной, гвалт, гудки, клаксоны, выклики
Из мегафонов и мембран,
Колонок, выставленных с клиросов
Ларьков, палаток, «точек», братств.

Их окружает, неприкаянных,
Одна торговая волна:
Блестит мехами и кокардами...
Но среди зноя – лед, сквозняк

В трубе аэродинамической
Мотает маленьких гостей,
Идущих точно по наитию
Там, где никто их не хотел.

И большеглазы, зрячи, слышащи, —
Новь, девяносто третий год
Они читают, ловят бликами
Очков, в ума вбирают горсть.

Вполне базаровские прашуры,
Когда Базаров жив и здоров,
Они, измученные, тащатся,
Его заране потеряв.

Бредут назад, и в тени мидовской
Молчат, как изгнанный посол.
Войны сироты... О неистовость
Ветров в Москве, мой новосел!

IV. 1995

Необыкновенное лето.
Природа сошла с ума.
Бледные экстраверты
На рассвете едят лагман.

Номер программ после клуба —
Жирный горячий хаш.
Первыми трезвеют губы.
Официантка Сальха

Подносы с зеленым чаем
Приносит – свежа, молода.
Звонок от бабушки:

– Чадо!
С первым июня!

– Да.

– Праздник защиты детства,
Знаешь ли, – твой всегда.

Не удастся согреться.

– Счастья, удачи!

– Да.

Брызг поливальной машины
Веер – роса столиц.
Пыль из-под щеток щетины
Не долетает – но злит.
Грохот костей о нарды,
Крик за соседним столом.
Делают миллиарды.

– Бабушка, мне повезло.

– С Богом! Удачи, удачи.
С вечною верой в добро
Я остаюсь.

Налачен
Город, и взят под стекло.

Дымом «Лапсан Сушонга»
Дышит из чайника жуть,
Свежесть. И шашки звонко
Воздух табачный жгут.

В трубке – о редкость,
О тяжесть первых связных мобил! —
Кровью прощальной мажет
Голос, и свят, и разбит.

– Бабушка, до свиданья!
Мне – лишь четыре шага,
Как Будде, до осознания.

– Ты рвешься от нас, как всегда.

Дышит немое тело,
Мыслящее сильнее,
Чем голова (отрезвела).
Будда, le petit déjeuner¹.

¹ Завтрак (франц.).

V. ПЛЮЩИХА

Последний день июня – с плеч долой:
Глухое воскресенье, банк закрытый,
Модерн, конструктивизм – как бы халвой
Дома прощальной сладостью набиты.
Отвесный свет, но кончен света рост,
И призвуки зимы – как хрипы в легковесном
Метанье тополей. Надломленная трость
Так запеваёт: свист свирельный, сиплый, ветра.
Сквозит вся улица – вдоль световой волны
Изогнутая, как бамбук балетный.
Пустыня! Дни неверно сочтены
Прощания с тобой, мое тысячелетье.
Песнь альба, трубадуры, Тогенбург
И облако над круглоглазой башней:
Здесь розенкрейцеры последние судьбу
Испили – и ушли внутрь московорецкой пашни.
Испытанные поиском Души,
В «хвостах» молочных кухонь молкли души.
Они ушли, но не совсем ушли:
Их немота осталась нам – дослушать.
И трудно мне заговорить «свое»:
Так дик и хрипл, полубезумен голос;
На мне лежит чужое бытие
Как золотой заговоренный волос
На рукаве. За вас и за себя

Я домолчу. Но говорит пусть ветер,
На тополях бликуя и рябя,
Схоласт косноязычия, гелертер,
О чернокнижниках при книжке трудовой,
При ордере слепом райисполкома...
Свобода воль... И голос, бесконвойн,
Мой голос нарастает вдруг сквозь гомон.

VI. ЗЕНИТ

Шальная улица, Кузнецкого моста
Ремесленные узкие задворки.
На пушки здесь переводили сталь
В эпоху после Тушинского вора.

Обменники, штабы и кабаки,
Дымящиеся в урнах этикетки,
Открытые мангалы, бардаки.
Июль – кошмар стареющей кокетки.

Ей страшно, потно, зло и тяжело
Быть в городе в пустом зените лета,
Сдавать в ломбарды золото как лом,
Переживать весь город как телесность,

Удвоенную зноем, наготой,
Которая, как смерть, ей надоела.
«Я мать твою ведь знал» – один простой
Сказал ей, глядя вниз осоловело.

Дома низки. Столица, блин, Земли.
Лежит в руинах обозримый космос.
Мы никому нигде не помогли,
Страдальцы урн и тлеющих отбросов.

Читатели Флобера и Золя,
Ее частично праздные «клиенты»:
Друзья, френды, одной корысти для,
Для бесконечной идеальной ленты

Не-одинокества. Но одинок июль,
Он раскален, разъят и фанатичен.
Гудит машина. Что за Теодюль!
Что за дурак, схватившийся за тыщи!

«Я мать твою ведь знал». Что ж, может быть.
Мужчины право – говорить с намеком.
Но право есть – совсем не говорить,
Высокомерно празднуя над мозгом

Любым. И это право у нее
Еще в руках. Не вовсе охладело.
Гори окурком в урне, бытие,
Старей, отважно гибнущее тело.

VII. 1998

Меня арестовали у подъезда,
Когда я завершала переезд:
Коробки книжные, 24 места,
Затормозили зоркий ППС.

Квартира съемная, сибирская прописка,
Нет регистрации. Хозяйка вмиг – в отказ.
Татарин-участковый, сын Иблиса,
Нарисовался в сумерках «на раз».

Он пишет «данные» мои для протокола;
Хозяйка мечется: «Коробки – не вносить».
Я – с непокрытой головой, и голо
Нисходит снег, как протокол, насильн.

Крупа московская, ноябрьский синий вечер,
Машины дворца, как подъезда дверь,
Закрыта с клацаньем. О, я была невежда
В краю змееопутанных невежд!

Меж двух домов, со всем своим носильным,
Вися канатоходцем над Москвой,
Я прозреваю невесомый иней
Как частный случай дьявольских оков.

«Когда приехали? Зачем? Без документов?»

Он паспорт держит. Сумрачно глядит.

На дальних подступах,

среди сплошных умертвий

За этот час мой грешный дед убит.

В таком же холоде, в пустых снегах Донщины, —

Все для того, чтоб в некий звездный час

Рацей мне с погонами мужчина

Читал о пребыванье в москвичах.

Чтоб в небо синее, известное, не глядя,

Я то же, что и он, могла понять:

Что здесь лежит, кольцом, столица ада,

Великих жертв хозяин, Пустосвят.

VIII. В ЭТОМ СВЕТЕ

Зеленый куб, заклтая печаль.
В саду усадебном, пародии Версаля,
Кусты подстрижены, как мелкий сорный чай,
Заваренный зарей – благоуханной сайкой.

Весна безлюдная, просторный оком.
Все близко, сплюснуто, и облака продольны.
Мы на скамьях лежим и, глядя ввысь, поем
О том, что хорошо, что ничего не больно.

В голландском домике оконная слюда
Чистопромытая, вся в перекрестках рамы,
Нам открывает озаренье, даль,
И угол комнаты, что даль и озаряет.

Край верстака, мундштук и кружка, тень
Вечерняя и проблеск на фаянсе
Какой-то ступки. Арсенал кофеен?
Алхимика прибор? Мы внутрь глядим, паяцы.

Любовь разбитая, как в ступке истолкли,
А мы все приняли и заварили кофе.
Век восемнадцатый по небу, век молитв,
Плывет в горящем облачном киоте.

Как ангел с купола – ступает по среде
Воздушной прелести, по розовым виньеткам,
Уходит в направлении «везде»,
В молчанье радости и в этом свете, в этом.

Уходим мы – домой. И синие коты
(Две шубки, различимые не сразу)
Цепляются, как ежевик кусты,
И порскает, высок, наш просветленный разум.

IX. ЧУВСТВО БОГА

Анджуму Азизу Нурани

Мусульманские четки есть у меня,
Их подарил мне коллега,
Зороастрийцами были предки его,
Триста, четыреста лет назад,
До исхода в Пакистан из Ирана.

Сейчас он британец, дипломат,
И оба мы на службе
Ее Величества,
Смотрим в окно на Москву.

Я здесь тоже случайно:
Предки мои селились на русской земле,
Успевшей стать русской те же 400 лет назад;
В Сибири, которая видится
Как разрезанный лоскут,
Если видеть ее с высоты: реки-губы,
Щеки-озера, узкие глаза боров.
Отчизна!

Мы сидим и слушаем концерт
Бетховена Emperor,
Но не Наполеон – третий между нами.

2006 – 2018

РУССКАЯ АЗБУКА для больших и взрослых

*Памяти моей бабушки
Анны Ивановны Бердниковой*

ПОСВЯЩЕНИЕ

У каждой буквы языка родного
Есть лучшее, любимейшее слово.
Я здесь хочу их всех, мой друг, найти,
Ищу земли им, где произрасти.

Им новый край азийского простора
Открыт и дан; их греческим узором
Ищу сказать о веке, о тебе,
О Логосе, о песне, о мольбе.

По завещанию приняв твое наследство —
Родную речь – зову другое детство,
Другую юность – радоваться ей.

Свое высокомерное поэтство
Да соблюду. Да потеряю эго.

Поближе сядь. Незримый мир, ясней.

А – АННА

*Азербайджан – опаснейший аркан,
А Астара – петля живая ада.
Глаз, припадай – и волшебства стекла
Не забывай: кавказская осада.*

Ангелы в арках, бранные рати,
Игра барабанов, прощания ради
Славянки и азербайджанки Мананки.

Баку, Ленкорань,
Германцы и танки.
И Анна, о Анна, прощайся сейчас,
Когда еще ангелы в арках кричат:
«Свидания вам, о свидания вам!».
Баку – Ленкорань, о Баку – Ленкорань.

Б – БРАТЯ

Братья братьев разбомбили
Забубенные базары,
Быстро-быстро загубили
Багаудов – багдасары.

Бедовали, благо были
Бед бесчисленные бочки,
Бога грубо теребили,
Чтобы сбросил оболочку
Беспричинности бескрайней.

Быстро это не избудешь:
Бились братья так забавно —
Беглым бесом в белый бубен.

В – ВДОХНОВЕНИЕ

Веселый ветер выбирает
Ту голову, где он витает,
И век, и вещей поворот
Мгновения. И он ведет
К ответной влаге вдохновенья.
Он воли ведает извод
Во всяком человеке. Весел
Ведь всякий человек. И вот,
Он раздувает, неизвестен,
Мировладений хоровод
Для нового.
Встречай его!
И чествуй ласковость движенья.

Г— ГИМН

Гляди, как голос гол и наг,
Угрозой голода гоним, —
Как лег он, грешный.
Но – как флаг,
Когда гиперборейский гимн
В него гремящий вгонит горн, —
Вдруг голос – гладкий, весь другой, —
Погнать по гамме свой разгон
До Бога смог.
Макгрегор с гор
Горланит голубю, ягненку
И Господу, безгрешно-звонкий.

Д – ДВОЕ

Далия, бедная далия —
И гладиолус диковинный
Всегда в разделенье страдали.
Дикими рдели подковами
Редкие соединенья,
Без продолженья,
Без делу движенья.

Другие цветы дорогие,
Соединяясь, продолжались
И плодоносили радости дивом,
Но им эти дива не дались.
Длительно, жадно надеясь,
Ждали судьбы поворота.
С последним дыханием лета разделись
До правды, до слез, до дрожанья ухода.

Добровольным удушьем себя не душите:
Двое – едиными будьте, дети.

Е – ЕСТЬ

«Есть» – перво-вещь, перво-слово,
Мера всех наречий,
Сокровенное в русском,
Явленное в немецком, французском,
Английском, испанском, —
Чистая вечность.

«Есть», ist, is, est, es —
Где еще явленное Божественный свет,
Где – яснее родственность человечеств?

«Есть», es, est, is, ist, – все
Простотою есмы, есть мы.
Слово-клей, первослово и связь всех вещей
Со всеми.

Мы лишь есть, и ничем, и ничем не владеем, —
Разве этим, что есть, бытием,
Что всех слов и целей, и умнее.

Ё – ЕЁ

Её поёт и ёж, и ёрник
Плетёт хвалы неподковёрно.
И, мглой берёзовой подёрнут,
К Неё плёс ревёт, ветвями рвётся.
В природе для Неё маёвка
Начнётся в лёд, и в лёд вернётся.
И до последней косоплётки
Всё верится, всё Сына ждётся.
Не влёткую, но всё в подъём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.